

**Елизавета
ОСОЛОДКИНА**
г. Санкт-Петербург

Копилка памяти

ПЕТРОЗАВОДСКА

I

Марат Карельский

4 марта 2021 г. ушел из жизни Марат Васильевич Тарасов – поэт, общественный деятель, внесший большой вклад в культуру Карелии на посту главы Союза писателей Карелии в течение 22 лет.

В 1948–1951 годах он был студентом Карело-Финского государственного университета, а затем вместе с Робертом Рождественским, тоже студентом госуниверситета, был принят в Литературный институт по рекомендации Союза писателей К-ФССР, получившего целевую разнарядку центра.

В отношениях с окружающим миром они были совсем непохожи. Я была сокурсницей Марата, мы обучались филологии на историко-филологическом факультете, Роберт был двумя курсами моложе. Оба мне были очень интересны своей творческой устремленностью. Мои наблюдения, может быть, не абсолютно точные и, конечно, неглубокие, но доброжелательные, искренние.

Марат был очень общителен, ему было интересно все, он даже бывал на репетициях университетской театральной студии, которой руководил один из лучших театральных артистов Петрозаводска – Ю.А. Сунгуров. Вот фотография 1950 года, сделанная после чеховского «Юбилея». Помню, что спектакль по «Студентам» Трифонова пользовался успехом и был даже по приглашениям выездным.

Роберт Рождественский, как это мне виделось, не сходилась близко ни с кем, но был, будучи воспитанным молодым человеком, безукоризненно вежлив. И только. Он жил одной поэзией, одним желанием – посвятить ей всю жизнь. Талант его был замечен уже с первых публикаций в Петрозаводске. Мне, обучавшейся в молодежной группе секции критики Союза писателей, было поручено написать статью-анализ одного из его первых напечатанных стихотворений.

За давностью лет (70!) точное название подзабылось. А счастье от маленького прикосновения к первым шагам Поэта осталось. И гордость от подарка судьбы – знакомства с ним.

Недавно я узнала, что за опубликованное во время Великой Отечественной войны стихотворение Рождественский, тогда ещё ребенок, получил 9 рублей и передал их на танк «Малютка» – это его вклад в те 129 миллионов, которые собрали советские люди на оборону страны. Это было началом его пожизненно безупречной гражданской позиции. Алла Латынина в статье «Нового мира» № 2 за 2010 год с огромным уважением пишет, что Рождественский никогда не предавал ни поэзию, ни друзей, ни себя, ни своего достоинства. Таким он остался до последних дней жизни.

В сборнике стихов Рождественского «Мы совпали с тобой» есть раздел «Друзьям». Ряд стихов посвящены Тарасову. Это память о короткой жизни в Петрозаводске и о последующих приездах в город юности: «Я снова дома, дома. Вот так и надо жить». И с сожалением: «Я снова уезжаю по дому тосковать».

В сборнике 1966 года «Наедине» Марата Тарасова есть стихотворение, начинающееся словами «Как снежный вихрь...». Оно посвящено Рождественскому и изумляет глубиной и страстностью размышления о поэте и поэзии, обоснованием своей причастности к творчеству.

Как работает поэт? – Зоркость глаза открывает дорогу поэтическому образу:

*Окинешь взглядом полночь,
И тогда-то
В душе и станет что-то назревать.
З заметишь вдруг,
Как на скалистом скате
В гранит корнями вгрызлись две сосны,
Как спины угрожающе горбаты,
На волны наступают валуны.*

Рядом со студийцами на фотографии Марат

А ведь принято считать, что наступают волны. Но поэт видит по-другому и даже объясняет, чем это вызвано; он чувствует в себе дар понимания природы, в которой наступает тот, кто сильнее, и признается:

*Я, кажется, и вправду понимаю
Природы правоту и прямоту.*

Отличную развернутую метафору использует автор для изображения творческого труда в его процессе и цели, а главное – для выражения своей позиции. Его выбор цели творчества не благоденствие, а честь.

*Пробив броню асфальта, хрупкий стебель –
Да он бы благоденствовал в чести, –
Но прет на свет,
Не ждет, в какую степень
Его заслугу могут возвести.*

Поэт должен работать, чтобы побеждать:

*Гранит раздроблен,
И асфальт разрушен,
И вырваны из нор
Бараньи лбы!*

Не удержусь, чтобы не написать о восторге от авторского ощущения чуть ли не физической принадлежности и человека, и травинки всему земному шару. Это я чувствую в изумительно красивой метафоре:

*Пусть вылупится из земного шара
И клювы к солнцу вытянет трава.*

И эта метафора о поэте и поэзии. И еще не раз скажет М. Тарасов о своем призвании – и родиться, и стать поэтом Карелии:

*Доверясь лиственному краю,
Я не скрываю суть свою,
Его в себе я ощущаю
И в нем себя осознаю.*

Карелия – удивительная часть России, поражающая своей красотой каждого, кто имел счастье побывать там. У меня к тому же в отношении к Карелии много теплоты, которую, я думаю, порождает в какой-то степени история ее вхождения в состав Руси.

Этот край – дар, приданое дочери шведского короля, выходящей замуж за Ярослава Мудрого (978–1054 – годы жизни). В него вложена надежда родителей на счастье своего ребенка.

Девственная красота Карелии и в ее двадцативековом возрасте для меня сопрягается с ее историей и дарит это теплое чувство. И это не единственная причина для какого-то особенного, чуть ли не родственного моего отношения к ней. Объяснение и в том, что наша семья по мужской линии прямым родством связана с Хряпиными, в довоенное время известными многим в Карелии. Я вышла замуж за В. К. Осолодкина, военного моряка, дед которого К. Хряпин, петроградский журналист, был в 1919 году направлен М.И. Калининым в Петрозаводск для создания газеты.

Газета «Красная Карелия», если я правильно запомнила название по рассказам Анны Алексеевны Хряпиной, была с большими трудностями создана и стала важной частью печати края.

Живя в Санкт-Петербурге, я помню и люблю Петрозаводск с его хрустальным воздухом, финскими санями, Онежским заливом и ледяной Лососинкой, рядом с моим домом на Лососинской набережной. В те годы природа дружила с человеком, даже северное сияние радовало без устали.

Как же повезло Марату Тарасову! Какое счастье – прожить здесь всю жизнь.

Повезло и мне: я счастлива, что мой однокурсник Тарасов не просто мой товарищ Марат, а замечательный известный поэт. К сожалению, это открытие запоздало. Признание и уважение надо отдавать при жизни, но все равно: это справедливо и даже, может быть, более объективно в оценках.

Я попытаюсь дать анализ по первым трем сборникам стихов М. Тарасова: «Малая пристань» (1959 г.), «Друзья мои» (1961 г.) и «Наедине» (1966 г.). Почему беру только первый период творчества? Исхожу из того, что при живом знакомстве с автором работа обычно получается глубже и точнее. Она позволяет найти в творчестве истоки, связать творческую позицию с личностной. Благодаря этому, как правило, анализ становится более живым и привлекательным.

Предполагаю к тому же, что зрелый и заключительный периоды творчества уже перелопачены: талантлив, да еще многолетний глава Союза писателей. А мы знаем повышенное внимание к творчеству лиц власть имущих. Это не о Марате. Он всегда был требователен к себе и не переставал быть поэтом и в период большой должностной занятости. Это видно по сборникам стихов.

В анализируемых мной сборниках много хороших стихов, славящих тружеников Карелии, видно, как нарабатывается постепенно образное видение ми-

ра, как реализуется художественная ценность слова в поэзии. Масса превосходных находок в стихотворениях «Ольха», «Заяц», «Родине» – уже в первых опытах, но сборник «Наедине» требует отдельного разговора, так как он этого стоит.

Начну со стихотворения «Песня». Для удобства читателя – в согласии или в споре со мной – включу его полностью и добавлю, что оно непроизвольно и легко ложится на память.

Песня

*Что ни думай, что ни делай,
Все заказаны пути,
Никуда от ночи белой,
От тебя мне не уйти.
Ночь к решающей минуте
Незаметно приплыла,
Да и ты на перепутье
В ожиданье замерла.
Ты бы к берегу пристала,
Только сломано весло,
И тебя, как от причала,
По теченью понесло.
Над бессонною водою –
Ни рассвет и ни закат,
Оброни словцо живое,
Подари хотя бы взгляд.
Эту встречу, как разлуку,
Нелегко перенести.
Ты сама подай мне руку
И скажи свое «прости».
Я тебя не провожаю,
Ты уходишь, грусть тая,
Не моя и не чужая,
И сама ты не своя.*

Почему такой заголовок? Недоумение уйдет: нам поможет понять смысловую нагрузку слова «песня» стихотворение «О чуде» из этого же сборника.

*Захлебнуться душевным ненастьем,
От любви задохнуться совсем,
Поразиться, что это не насмерть,
И о чуде рассказывать всем.*

То есть петь, петь о любви.

В выборе заголовка стихотворения участвует художественный прием, который называется «метонимия». Это замена прямого обозначения другим – по смежности, а не по сходству, как в метафоре.

«Песня» – стихотворение о душевном ненастье, о драме несбывшегося счастья, о случайной

встрече после долгой разлуки. Автор скажет: «эту встречу, как разлуку, нелегко перенести», хотя происходит встреча – невстреча на психологическом ощущении своей жизни как ночи. Это метафора. Ночь – жизнь без любви, жизнь, не освещенная любовью, при этом она все равно течет, закрытая для человека обычным неведением как дальней, так и близкой перспективы. Представляется важным увидеть, что в этой метафоре долгое «душевное ненастье» обрело отточенное значение.

Развернутая метафора «Ночь к решающей минуте незаметно приплыла» может перерасти в рассказ, так она содержательна. Что делать? Надо решительно проститься с мечтой, проститься с несбыточным, опираясь на предложенную руку дружбы: «Ты сама подай мне руку и скажи свое «прости». Всего лишь две стихотворные строки, а смысла бездна. И что важно? Оказывается, что избранница поэта прекрасна в своем сопереживании, сочувствии, готовности как-то помочь избавлению от того, что возникло «без ее соучастия». И это все в слове «прости», но в словосочетании «свое прости» понимание личности героини углубляется, означая воспитанность и человечность как черты постоянные, характерные. А использование автором местоимения «сама» становится знаковым уже в самохарактеристике автора: Марат Тарасов никогда никого ни о чем не просил (чуть ли не по Булгакову получается, хотя «Мастера и Маргариту» он мог прочесть позднее, только в 1967 г.). Невыпрошенная рука дружбы – это принципиально, это важно, это личностная черта.

Рядом с метафорой «ночь» – метафора «ночь белая», означает она жизнь в любви, в счастье. Обе метафоры очень глубоки по смыслу и самобытны по форме, их смысл постигается не сразу, но завоевывает прочно, заставляет возвращаться к тексту неоднократно, а еще попутно поразмышлять, какая из метафор твоя, о тебе, о твоей жизни.

Это уже рука мастера – в 35 лет!

Читаем третье четверостишие.

Поражает, как можно одним четверостишием рассказать о драме жизни избранницы поэта.

Где правда характера?

Природная красота подвергается разным обстоятельствам жизни, определяя судьбу, это часто бывает в жизни. Не об этом ли говорит автор, двумя развернутыми метафорами только в одном четверостишии создавая удивительно образный рисунок ошибок, метаний и безысходности от предательства своих возможностей, своей индивидуальности. В перепутье понесло по течению...

Последнее четверостишие. Очень важно ос-

мыслить заключительную строку в нем. В традициях русской классики, и поэзии, и прозы, наблюдается стремление автора закончить произведение важной для него и, следовательно, для читателя мыслью. Обобщающей, назидательной, прорицательной – вариантов много. Например, С. Волков заканчивает книгу о Большом театре словами Н.В. Гоголя, будто обращенными в XXI век: «Но если и музыка нас оставит, что тогда будет с нашим миром?» Как тревожно это звучит сегодня!

Вернусь к «Песне»

*Ты уходишь, грусть тая,
И сама ты не своя.
Не моя и не чужая,*

Не сразу понимаешь, что последняя строка вовсе не фразеологический оборот со значением потрясенности по каким-то причинам. Разобраться в том, что здесь употреблены слова в их прямом значении, поможет синтаксический разбор по членам предложения: ты какова?

Не моя и не чужая; ты не своя. Это сказуемые. Вопрос: уходишь как? – невозможен, так как героиня не потрясена встречей, она лишь грустна. И читается «не своя» как жертва перепутья.

Будет ли уход автора-героя от «песни»? Вряд ли, потому что душу избранницы автор чувствует как никто другой: «не чужая». Это дар.

Не каждый способен на такую глубину духовности, когда «не моя» остается дорогим человеком.

Не перестаю удивляться поразительному стилистическому и лексическому чутью Тарасова в отборе очень точных слов, обладающих долгоиграющей художественностью.

«Оброни словцо живое...»

«Оброни» – проясняется отношение избранницы к автору: не придаёт значения происходящему, это небрежность в общении, у которого нет будущего. «Словцо», для говорящего ничего не значащее, для любящего «живое», оно будет жить в памяти, давать надежду, подпитывать «ночь белую» – мечту о жизни в любви.

«Живое» – что-то новое, здесь проглядывает скрытая антитеза: давнее – «живое».

Что ни слово в стихотворении – всё уводит в удивительное богатство русского языка, обнаруживает смысловые оттенки, о которых можно говорить бесконечно. Хочется отметить и удачное использование фразеологических оборотов. Такое удачное, что читатель становится соавтором и начинает глубоко погружаться в мир героев.

Это и «все заказаны пути» – о недоступности для автора взаимной любви, это и «тебя, как от причала, по теченью понесло» – о подчинении обстоятельствам жизни.

Трудности и разочарования в любви, на мой взгляд, очень доходчиво объяснил К.Г.Шахназаров: любовь – это испытание, в ней есть чувства приверженности и отторжения, так как мужчина и женщина – разные организмы.

Любовь – это способность переносить испытание. Применительно к автору – герою «Песни»: по силе и крест!

В сборнике «Наедине» есть стихотворение и об отцовской любви, называется «Сказка».

Как искренен автор-отец:

*Не успели грубые
Мы слова сказать,
А уж дочка глупая
Нас идет искать.
А уж платье милое,
Белого белей,
Флагом перемирия
Светит из дверей.*

Анафора (единоначалие «а уж», «а уж») привлечено для изображения повторяемости этого эпизода из семейной жизни. Перифраза «флагом перемирия» говорит о том, каким трудным оказалось строительство семейной жизни и каким хрупким. Название стихотворения снова отсылает нас к термину «метонимия»: не о прочитанной дочке сказке идет речь, а о желании построить счастливую семейную жизнь, жизнь-сказку, но что-то не получается. Авторская пронзительность причины не мира, а только перемирий – в конце стихотворения:

*Верим сказкам искренно
Только мы вдвоем. (С дочкой!)*

Почему-то память не отпускает «платье милое, белого белей», хочется повторять и радоваться: так может сказать только любящий отец.

Сборник, который заставляет говорить о себе так много, называется очень удачно – «Наедине».

Это искренний и доверительный разговор со своим читателем. Сборник из первого периода творчества поэта, но перед нами предстает личность, одаренная даром любви к жизни, к своему краю, который предстал в удивительно образном авторском рисунке. Конечно, в первую очередь это объясняется сыновней верностью и любовью к нему. Поражаешься глубине и точности наблю-

дений, благодаря автору открываешь природу для себя словно заново: «рябин ребяческий румянец», «багрянец старческих осин», «загадки сиреновой мглы», «над бессонною водою» – можно продолжать бесконечно. Талантливы не только эпитеты, но и олицетворения: «глаз луны меж тучами навывает». И о любви к Земле объясняется поэт в «Ночном полёте» через этот приём:

*Ты вся – до жилки речной – родная,
Ты вся – до пряди лесной – моя!
Нас в целом мире всего лишь двое,
И мне твой облик знаком до слёз.
Рукой касаюсь зелёной хвои
И глажу ёжик твоих волос.*

Так, кажется, ещё никто не говорил. Надо ли доказывать, как это талантливо? Вопрос риторический. Конечно, талантливо. Даже о его рифмообразовании можно говорить как об искусстве: ненастье – на смерть, подёнка – ребёнок, завидовать – за тридцать, задумчивый – заучивай, хозяин – изваян, изобилье – всесилье и т.д.

Рифма Тарасова удостаивается особого внимания читателя, потому что в его рифмообразовании главенствует значение слова, а не созвучие, хотя и оно заслуживает доброго слова. Главное в поэтическом арсенале Тарасова – восприятие мира в образе, поэтический слух, богатейший словарь, стилистическая безупречность и самое-самое важное – чувство любви к Родине. Благодаря ему в первую очередь и вызревает талант, чтобы ей – Родине – служить. А для службы нужна соответствующая подготовка. Марат Тарасов получил прекрасное образование и целевой воспитательный посыл в К-ФГУ и Литературном институте.

К-ФГУ 1948 года (год поступления Тарасова в университет) был по историческим меркам совсем молодым: основан в 1940 году. В 1941 году начинается Великая Отечественная война, и на фронт добровольцами уходят 365 преподавателей и студентов. Многие, к сожалению, не вернулись. Университет эвакуируется в Сыктывкар, продолжает работать, причем сумеет выпустить 65 специалистов. Возвращение в Петрозаводск состоялось в 1944 году, сразу после освобождения города после тысячи дней оккупации.

Преподаватели и студенты самоотверженно работали на восстановлении разрушенного здания. И начались занятия уже осенью 1944 года. К 1948 году в университете не осталось следов войны, да и город залечивал раны удивительно быстро. Общий настрой определял и государственно-ответствен-

ное отношение преподавателей и руководителей университета к обучению и воспитанию студентов.

Как не вспомнить библиотеку и читальный зал, студенческий театр и студенческий оркестр, межфакультетские соревнования по разным видам спорта. Университетские вечера помню до глубокой старости. Первая часть – концерт студенческой самодеятельности, вторая – танцы под звуки живого оркестра, студенческого, разумеется. Это были бальные танцы, которым и добровольно, и принудительно студенты обучались в университетской школе бальных танцев. Бал открывался полонезом, нам казалось, что это даже красиво. Пары – по классике жанра, так как геологический и лесотехнический факультеты отличались мужским приоритетом, так что партнеров для историков и филологов хватало с избытком. Убеждена, что бальные танцы воспитывали в молодёжи не только благородство движений, но и (главное!) благородство взаимоотношений юношей и девушек. Вот как именно об этом писал студент К-ФГУ Марат Тарасов в стихотворении «Повилика»:

*Ты вальсируешь, легка,
И в зале долго выюжит,
И та незримая пурга
Нам головы закружит.*

Писал о красоте юности, о поклонении ей, о рождении влюблённости.

Удивительным было отношение преподавателей и руководства университета к студентам: это было воспитание будущего, нового поколения, идущего на смену.

Удивительный университет.

Удивительный город Петрозаводск.

Это город с памятью.

В Петрозаводском госуниверситете успехом пользуется ТИС – театр имени Сунгурова. Ему 70 лет! В 50-е годы он был ещё студией под руководством Ю.А. Сунгурова, и мне посчастливилось 4 года быть старостой в ней. В школах города Национальная библиотека и Центр развития образования проводят Сунгуровские чтения.

А в университете в одном из холлов оформлена стена «Памяти выпускников», где есть и моя фамилия – Осолодкина Е.К. – выпускники с красными дипломами. Год моего окончания университета – 1953. Так мне удалось влиться в память моего города.

Это город Марата Тарасова, и он всегда будет помнить своего Поэта.

В день моего 92-летия, 8 сентября 2022 г., мой друг Т.Е. Маслова привезла мне подарок из Карелии

– сборник стихов М.В. Тарасова «Полнолуние», изданный в 2011 г. В него вошли избранные стихи 50–60-х годов и двухтысячного периода. Подарок возвратил меня в 50-е годы, порадовал фотографиями, заметками о его личности и творчестве М.Светлова, Р. Казаковой, вступительной статьёй Е.Евтушенко «Неразгаданный шестидесятник», в которой он объясняет, как заслуженно в Петрозаводске называют Тарасова «наш карельский классик» и русские, и карелы, и вепсы, потому что он идеально умеет объединять людей разных национальностей идеей всечеловеческого единения.

Благодаря сборнику «Полнолуние» углубилось моё понимание, что автор – талантливый Поэт. Множество стихотворений поражает самобытностью восприятия и раскрытия философской проблемы «Человек и природа», тонкостью психологического рисунка чувств автора, его героев и, что потрясает, природы, живой, доброжелательной и сильной. Как никто другой, он находит новые краски для объяснения в любви к Карелии. Это по-настоящему Марат Карельский, как его любил называть Евгений Евтушенко. Удивительная непохожесть, свежесть художественных средств выразительности – метафоры, эпитеты, сравнения, олицетворения – зовут читать, перечитывать и заучивать его стихи. Последний период творчества Марата Тарасова радует сохранившейся требовательностью к себе, своему труду, ответственностью перед поэзией. Как это было радостно увидеть. Это период жизни, когда мы много размышляем о сделанном и несделанном, об успехах и поражениях, о друзьях и врагах и, конечно, о любви.

В стихотворении «Полнолуние» поэт идёт от «Песни» – стихотворения о любви раннего периода творчества, когда случилось большое чувство: «Никуда от ночи белой, от тебя мне не уйти». К сожалению, неразделённое, поэтому: «подари хотя бы взгляд».

В «Полнолунии» несовпадение с любимой продолжается:

*Ах, оказаться бы вживую
Глаза в глаза наедине,
И не во сне, а напрямую
Хотя бы раз с тобою мне.*

Потрясает трагическое ощущение одиночества в «обезлюдившем пространстве» (уход из жизни друзей – удел пожилых людей) и не меньше – всё ещё любовь, но теперь это взрыв страсти с ощущением возможности торжества любви «двух страстей», «двух одиночеств».

Если нет, то остаётся только доживать, «ожидая встречу впереди». Это читательское ощущение движения истории любви.

Сборник «Полнолуние» великолепно оформлен художником Н.В. Трухиным с использованием фотографий Н. Хейкинена, С. Тихонова, где представлен именно Марат Карельский: Поэт и Карелия. С удовольствием смотрятся фотографии друзей и родных – трёх красавиц: мамы, жены и дочери.

Оформление сборника «Полнолуние» продуманное и прочувствованное, в этом, на мой взгляд, причина художественного созвучия оформления творчеству поэта. Не уходит радость встречи со стилем благородства в издательском труде. Издан сборник в Петрозаводске информационным агентством «Республика Карелия» в 2011 году.

А какая удача в оформлении «Избранного» по десятилетиям, где не только отбор по времени создания стихов, но и подготовка читателя одним четверостишием-эпиграфом к пониманию жизненных обстоятельств поэта и особенностей творчества в этот период. Например, в четверостишии перед «Девяностыми» автор сборника предстаёт перед читателем потрясающе талантливым, именно карельским поэтом:

*И слёзы сквозь лесную прозелень
Однажды в жизненном конце
Почувствуй капельками озера
На запрокинутом лице...*

Всего лишь четверостишие, а картина жизненного конца (как точно: «однажды», но у каждого!) через последний взгляд на «лесную прозелень», через слёзы – «капельками озера на запрокинутом лице» – и зрелищна, и объёмна, и многозначительна.

Именно так он уйдёт из жизни в 91 год – очень талантливым, «карельским классиком», по признанию Евгения Евтушенко.

Ещё несколько попыток сказать о мастерстве Марата Васильевича Тарасова, которое хочется разгадывать бесконечно. Использую заголовок вступительной статьи к сборнику Евтушенко – «Неразгаданный шестидесятник». К сожалению, это так, но исправлять ошибки, полагаю, никогда не поздно.

В заключительный период творчества заметно, что углублению мысли способствует отказ от пустопорожней лексики и обращение к сдержанному, выверенному, мудрому самовыражению.

Мастерство в последний период творчества не только не стало «болеть» повторами, но ещё богаче проявился нравственно-психологический

багаж – богатство прожитого и пережитого. Это видно и нефилологическому взгляду, например, в стихотворении «Глядя в небо ночное».

*Глядя в небо ночное,
Посреди тишины
Набираю твой номер
Я на диске луны.
И в ответ приглушённо
Далеки-далеки,
Не гудки телефона –
Пароходов гудки.*

Здесь и мир человеческого сердца «посреди тишины», и вся вселенная в сочувствии автору – герою стихотворения, грусть от безответности любви:

*Журавлиные клинья
Устремляются ввысь.
Ну хоть раз мне откликнись
Через целую жизнь!*

И её боль:

*И, как лунный осколок,
Утонув в глубине,
Твой останется голос
Вечной болью во мне.*

Долго будет жить в душе читателя потрясение от удивительной верности – на целую жизнь – этого чувства любви. И не меньше от мастерства художественного слова. Потрясающая образность, невероятная многозначимость сопоставлений и сравнений. «В сердце хрупкая наледь», «ветер надежды» – останутся в читателе надолго и, может быть, помогут образно представить свои чувства.

Невозможно удержаться от желания пронаблюдать, как чувствуется любовь в разные возрастные периоды в поэтическом изложении Тарасова.

Сопоставим «Песню» и «Глядя в небо ночное», в которых уверенно угадывается одна и та же избранница, но написаны они в интервале 35-40 лет.

Снова используется приём метафоры: «набираю твой номер я на диске луны». Герой профессионально успешен, над ним «безмятежные облака», а он, в отличие от «ночи» как ощущения жизни без любви в «Песне», создаёт образ парусника, к сожалению, лишённого «ветра надежды». Но автор уже способен на иронию в отношении к себе: «И куда б ни отчалить, от себя не уплыть». Это вместе с тем необычайно глубокое психоло-

гическое наблюдение: в «Песне» было «от тебя мне не уйти» – большая разница в «от тебя» и «от себя». Если в первом не отпускает образ любимой, то во втором это само чувство в его приливах и отливах, надеждах и разочарованиях. Это тонко подмеченное движение большого чувства – уход в себя. Поражает в 4-м четверостишии огромность смысла всего в двух первых стихах: «В сердце хрупкая наледь. Ни вернуть, ни забыть». Что ни слово – повод для размышления, то есть угадывания – совсем по Евтушенко.

Сердце лишено тепла, ему холодно, но это только поверху, это не лёд, а наледь, причём хрупкая, может уйти при первом же отклике любимой. Едва ли не спотыкаешься на словах «ни вернуть», но, помня, что «ветер надежды» дует в другие паруса, понимаешь, что речь идёт не о возвращении избранницы (её рядом не случилось), а о надежде на ответное чувство, и рядом стоящее «ни забыть» подтверждает такое понимание.

Поэт передаёт грусть традиционно через «журавлиные клинья», но у него, в отличие от обычного полёта в дальние страны, журавли «устраиваются ввысь», и это снова надежда, но всё-таки с упрёком: «Ну хоть раз мне откликнись через целую жизнь!» «Целую жизнь!» Тут кричать в пору, и крик есть – он в восклицательном знаке.

И трагическое признание безнадёжности в сравнении голоса любимой – «вечной боли» – с лунным осколком, утонувшим в глубине. Если осколок, то это уже больно, если лунный, то светится, и светится «в глубине» – так обозначил автор прожитые годы.

В памяти только голос и рука дружбы. И потому непреходящая боль. И свет! Свет, несмотря ни на что, озаряющий жизнь.

Так немногословно, но психологически тонко, мудро, художественно ярко сумел сказать о любви Марат Тарасов. Почему-то верится, что герой стихотворных шедевров не художественный вымысел, а сам автор. И эта мужская красота верности любви добавляет восхищения личностью Марата Васильевича Тарасова.

Стихотворение «Глядя в небо ночное» написано размером анапест-стопа из 3-х слогов с ударением на последнем слоге. Это, мне кажется, не случайно: интонационно неторопливо автор ведёт читателя в глубины человеческих переживаний и размышлений. Усиливается музыкальная инструментовка использованием безударных слогов в конце первого и третьего стиха (строки)

в каждой строфе-четверостишии. Это привлечение внимания к темпу – важной особенности звучания стихотворения для углубления в смысл.

К мастерству логично отнести и усложнение рифмообразования. В рифмах-созвучиях окончаний слов, завершающих строку, есть смелость отхода от традиционности для выполнения, как мне кажется, авторского целеполагания – привлечь читателя к неторопливому размышлению, к разгадке авторской мысли. Это: ночное – номер, приглушённо – телефона, клинья – откликнись, осколок – голос.

Думаю, что можно согласиться с моим утверждением, что стихотворение, использованное для разговора о мастерстве М.В.Тарасова, с полным основанием можно назвать шедевром современной российской поэзии. И подобных – бесконечно много. И постоянно находишь то, что тобой не сказано, упущено. И еще жизнь преподносит нам сюрпризы (я о подарке Т.Е. Масловой), которые так впечатляют, что не сказать о них невозможно. Так объясняется продолжение вроде бы законченного разговора, посвященного памяти Марата Тарасова! Желание полнее выразить оценку труда через разгадку поэтического творчества – это дело чести петрозаводчанки, дело долга однокурсницы.

II Памяти Хряпиных

Есть ещё один долг – родственный. По мужской линии мы породнились с Хряпиными, когда в 1952 году я вышла замуж за внука Хряпина Константина Васильевича – Осолодкина Валерия Константиновича.

Считаю, что я обязана содействовать памяти об этой семье в Петрозаводске, в Карелии. Также уверена, что у меня есть основания привлечь больше внимания к творчеству Сергея Константиновича Норина (Хряпина) и по достоинству оценить вклад молодого писателя в прозу Карелии в очень сложный исторический период становления республики.

Глава семьи – петроградский журналист К.В.Хряпин, соратник М.И. Калинина по подпольной деятельности до революции, направленный в Карелию для участия в создании республиканской печати.

Была лютая зима 1919 года, и семья с трудом по льду Ладоги на санях добралась до Карелии. Семья – это жена Анна Алексеевна и дети Александра и Сергей. В Петрограде была оставлена одиннадцатикомнатная (до революции) квартира на ул. Марата, в которой уже не было привычного быта с кухаркой и горничной. Характерная деталь февральских событий: Александра Константиновна вспоминала: «О революции мы узнали от кухарки». Дети, разумеется, не знали, что их отец – большевик, верным другом ему была жена Анна Алексеевна, активная участница общественно-политической жизни Петрограда. Так, она участвовала в организационно-техническом обеспечении работы Госдумы. Образованная, наделённая филологическими способностями, она поддерживала мужа и в его согласии работать в Карелии, где он сначала был редактором газеты «Звезда Пудожя», затем редактором республиканской газеты в Петрозаводске.

В самом начале Великой Отечественной войны Хряпины, в том числе и семья С.К. Норина – сына старшего Хряпина – были эвакуированы в Казах-стан. Петрозаводск будет в оккупации тысячу дней – освобождение только в 1944 году.

Казахстан недружелюбно, по рассказам Хряпиных, встретил эвакуированных, местные жители называли их «выковыренными».

Семья Хряпиных-Осолодкиных с тремя детьми жила в холодном и сыром бараке, голодали, трёхлетний Володя Хряпин, сын Норина, так ослабел, что не мог держать головку.

Константин Васильевич Хряпин умер в Казах-стане от голода, кстати, по сведениям, прозвучавшим в одной из телепередач, от голода в Казах-стане умерли полторы тысячи эвакуированных.

Родные Константина Васильевича настаивали на обращении за помощью к М.И. Калинин. Константин Васильевич обратился, но слишком поздно, когда не мог уже помочь и госпиталь, в который забрали его очень быстро. Ещё один удар настиг Анну Алексеевну – это известие о смерти 14 апреля 1942 года сына, военного корреспондента Карельского фронта Норина с первых дней войны. Инсульт, паралич поразили Анну Алексеевну, но огромное желание выжить, быть, как всегда, полезной семье заставило её восстановиться, правда частично, работу рук и ног.

После возвращения в Петрозаводск в 1944 году она совершала каждодневный подвиг, трудясь для семьи: добывала в очередях продукты, готовила еду для дочери, А.К. Осолодкиной, потерявшей в эвакуации зрение и работающей в руководстве Петрозаводского общества слепых, где занималась и вопросами здоровья (консультации, направления на лечение) как очень квалифицированный в довоенное время фармацевт.

Анна Алексеевна и Александра Константиновна всегда много внимания уделяли жене Сергея – Ирине Александровне, много лет работавшей техническим секретарем в Союзе писателей, где она, умная и порядочная, пользовалась заслуженным уважением.

В 1953 году, окончивая филфак К-ФГУ, я писала дипломную работу. Анна Алексеевна, всегда жившая интересами семьи, и мне хотела быть полезной, предложив вычитывать в присылаемых мне из Ленинградской Публичной библиотеки экземплярах некрасовского «Современника» статьи без указания автора на предмет определения, не принадлежат ли они редактору. Это была одна из задач моей дипломной работы под руководством М.М. Гина. На защите работа получила высокую оценку госкомиссии и рекомендацию на продолжение обучения в аспирантуре Ленинградского госуниверситета, чем я не смогла воспользоваться по семейным обстоятельствам.

Умерла Анна Алексеевна, немного не дожив до девяностолетия, похоронена на Северном кладбище в Петербурге, куда они с дочерью возвратились из Петрозаводска в последний год ее жизни. Вечная ей память.

Сергей Константинович Хряпин (Норин – литературное имя от дочернего имени Элеонора) родился в 1909 году и ушёл из жизни очень рано в 1942 году – на 33-м году жизни. С первых дней Великой Отечественной войны, как и в 1939–40 гг. во время Советско-финляндской кампании, он был военным корреспондентом, писал статьи и очерки о героях Карельского фронта, о мужестве

*Время работы в редакции.
Норин (в центре) с коллегами*

советских людей в борьбе с фашизмом.

В холодный дождливый день октября 1941 года, добираясь на попутном грузовике в пограничный отряд, защищавший Ухту, Сергей Норин простудился, возобновилась старая болезнь лёгких, и 14 апреля 1942 года он, к огромному сожалению, умер. Госпиталь оказался бессильным.

В Петрозаводске живут Хряпины: внучка Норина Светлана Владимировна с мамой Галиной Сергеевной и внук Сергей Васильевич Луккоев с семьей. Они бережно хранят память о своих родных и очень скромны в своих отношениях с внешним миром.

В Петербурге живёт семья Осолодкина Сергея Валерьевича – сына внука К.В. Хряпина, Валерия Константиновича Осолодкина, который сына назвал Сергеем в честь своего дяди С.К. Норина, и его дочь Елена Валерьевна.

Посмотрите: на фотоснимке дальние, но родственники Хряпиных. Рядом с седым главой семьи, капитаном II ранга, как и отец его в своё время, жена Анна Анатольевна, которая выглядит в свои 60 лет юной девушкой, сын Анатолий и дочь Наташа с детьми, то есть у Осолодкиных 6 внуков, старшему 15 лет. Я, следовательно, прабабушка, у меня двое детей – Елена и Сергей, трое внуков, с одним из них – Алексеем и его женой Анжеликой мы дружно живём вместе, и 6 правнуков.

*Финская война 1939 г.
Норин (в центре справа) жмёт руку товарищу*

Все мы, взрослые, с уважением храним память о семье Хряпиных, рассказываем о них детям, знакомим с творчеством С.К. Норина старших.

К сожалению, у меня нет материалов по К.В. Хряпину – журналисту, редактору, но о С.К. Норине совершенно необходимо говорить и писать, чтобы отдать дань уважения таланту, сумевшему ярко проявить себя в такой короткий период.

Вся короткая жизнь С.К. Норина (Хряпина) была посвящена требованиям времени, стремительного и очень плодотворного. Это заочная учёба в Ленинградском институте журналистики, полная отдача служению профессии, активная жизненная позиция строителя Советской Карелии.

С 1932 года он редактор республиканской газеты «Комсомолец Карелии».

Работая в газете, Норин изъездил всю Карелию, всегда был в местах, где кипело строительство новой жизни: на Беломорско-Балтийском канале, в Сегеже, Кондопоге. Его многочисленные газетные очерки с любовью и гордостью рассказывали о рождении в «краю нехоженных троп и непуганых птиц» нового человека – советского человека. С полной отдачей жил и трудился С.К. Норин.

В 1933 году вышла его первая книга – «Взорванные горы». На фактическом материале многих де-

сятилетий до Первой мировой войны, а также 1914, 1916, 1927, 1932 годов нового времени писатель ярко рассказывает историю «Проклятой киви» (горы по-вепски).

Очерк 24-летнего автора начинается с впечатляющей зарисовки стаи волков, которые по ночам забираются на гору и, подставляя ветру острые беспокойные морды, «долго, пронзительно» и однообразно воют, лязгая острыми клыками. А затем несутся уже за добычей на берег озера, где мелькают хилые огоньки деревни и нагоняют страх на дрожащую в хлевах скотину.

Так же, как голодный, чахлый скот, сотнями лет жили карельские крестьяне, о которых в канцеляриях управ и земств говорили: «Жалкий, нищий народ эти чуди». Так презрительно называли вепсов, которые вынуждены были наниматься на работу по 20 часов в сутки на полях эстляндских помещиков. Женщины из-за непосильного труда к 25-30 годам теряли молодость. Дети работали наравне со взрослыми.

Читатель знакомится с Ваней Митькиным, который начал трудиться с отцом на «Проклятой киви» с 12 лет. Там добывался вручную, молотами диабаз – серый, с серебристыми прожилками камень. Добыча была организована в 1914 году предприимчивым немцем Шмидтом – владельцем похоронного бюро, торговавшим памятниками из этого прекрасного камня. В 1916 году диабаз начал использоваться как брусчатка для улиц купеческого Саратова. В советское время – это «Онежские разработки диабаз», признанного ценным природным богатством Карелии, применяющимся, в частности, для электротехнической промышленности. И Ваня Митькин, призванный в 1916 г. в солдаты, участник Октябрьской революции, вернувшись на родину, становится председателем заводского комитета предприятия, активно участвует в техническом совершенствовании добычи диабаз.

Впечатляет кольцевая композиция очерка: в его начале – «Проклятой киви», в финале – новое время, новые люди. Композиция строится на противопоставлении старого и нового времени.

Люди в своём трудовом упорстве были крепче диабаз, и волки уже не выли на горе. Трусливой рысью они убежали подальше от неё, содрогавшейся уже от взрывов, сменивших молоты.

Символом характера вепсов – коренных жителей Карелии, предстаёт сосна на вершине горы. Она вцепилась в тонкий слой рыжего мха и «удерживается от мотавшего её вершину ветра, который старался вырвать её и вышвырнуть с горы, вниз, где лежало широкое, как море, озеро».

Но сосна держалась крепко, уйдя глубоко своими

извилистыми корнями, и возвышалась, стойкая и несломленная.

Норину удались в очерке образы новых людей – героев современности, преодолевающих множество трудностей, отдающих для будущего республики весь свой творческий запас энергии и сил.

Очерк поражал читателей достоверностью изображаемого, к счастью, многие участники событий были ещё живы.

Много внимания Норин уделяет периоду Гражданской войны, изучает документы, различные свидетельства участников, рапорты, приказы, телеграммы. Выцветшие чернилами, пожелтевшие листки грубой бумаги восстанавливают и эпизоды службы лётчика Муравьёва, одного из сотен, открывших героическую страницу советской авиации. Ему посвящены рассказы «Пилот «Авро 171-2», «Разведка», «Родной берег».

Муравьёв – пилот особой Онежской флотилии, корабли которой несли службу в Онежском озере, берега которого почти наполовину были заняты англичанами и белобандитами.

Английские канонерки и катера-торпедоносцы были вооружены скорострельными пушками.

Но особенно был опасен неприятель с воздуха. Петрозаводск был их последним камнем преткновения на пути к Петрограду – сердцу революции. В Петрозаводске располагался штаб армии, здесь сосредотачивалась и борьба с белофиннами, прорывавшими границу. Английские самолеты, уверенные в безнаказанности, почти ежедневно метали бомбы на Петрозаводск, но после пулеметных очередей с земли быстро исчезали.

Муравьёву достался самолёт «Авро 171-2», который участвовал в Первой мировой войне, а теперь, после ремонта механиком Кустриковым, стал служить революции, но только для вылетов на ближнюю разведку из-за ненадежного технического состояния машины.

На очередном вылете Муравьёв, зная из телеграммы о появлении английского самолёта у северо-восточного побережья Онежского озера, принял решение преследовать врага. Он не мог не принять рискованного, а потому запрещённого решения, потому что накануне английский самолёт совершил бандитский налёт на поезд. После часа поисков Муравьёв пулемётной очередью сбил вражеский самолёт.

Рассказ «Разведка» о службе лётчика Муравьёва в лётном отряде в Кемском районе, где он летает на «летучем голландце», как прозвали товарищи Муравьёва эту пробитую пулями, изувеченную, заплатанную машину. Дули шквальными морские ветры в феврале и марте 1918 г., но на-

до было летать, находить бандитские шайки, помогавшие интервентам.

Части Красной армии ожидали наступления противника, и Муравьёву было поручено провести разведку о движении сил противника. Длительный полет на «Ньюпоре» был очень рискованным, но молодой пилот, которого любили за выдержку, хладнокровие, получил приказ на вылет.

Удивительно проникновение автора в физическое и психологическое состояние лётчика и механика на всех этапах полёта, будто автор был рядом с этими героями. Обледенение залатанных крыльев, потеря скорости и высоты, а самолет – в тылу врага, под ними лес и болото, посадка громоздкой, неуклюжей машины невозможна. К тому же белобандиты обстреляли самолёт и пробили бензобак. Муравьёв, передав управление самолётом механику, встав на сиденье под ледяным ветром, сумел изоляционной лентой остановить утечку бензина, обморозив правую руку. Он смог долететь до отряда и посадить самолёт одной левой рукой. Это было очень трудно и опасно.

В рассказе «Родной берег» мы почувствовали авторское ощущение «Ньюпора» как существа живого, раненного пулемётами англичан и в смертоносном штопоре падающего на таёжное болото в тылу врага. Оно передаётся читателю, нам больно, как и раненому самолёту.

Лётчик Муравьёв уничтожил подбитый самолёт, хотел пробиться к своим, но был взят в плен. Автор не рассказывает, как это было, через многочисленные он даёт паузу в повествовании, психологически мастерски удерживая читателя в напряжении. И только из визгливого крика председателя военно-полевого суда на английском линкоре «Чесмы» мы узнаём, что Муравьёв уничтожил донесение, убил белогвардейца, сжёг самолёт. На суде лётчик отказался давать показания и предательски служить в армии интервентов.

Линкоры «Чесма» и «Кохман» превращены в плачущие тюрьмы. Муравьёв – один из 6 смертников: суд приговорил его к смертной казни через повешение. Но солдаты караула, видя мужество, стойкость пленников, принимают решение об организации побега заключённых. План разработан английскими коммунистами. Так через рассказ высветилась мечта о мировой революции большевиков: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Повесть «На рубеже» посвящена пограничникам, как и пьеса «Застава у Чёрного ручья», опубликованная в 1941 г. в альманахе «Карелия». В «Койнабре» – отрывке из повести «На рубеже», опубликованном в сборнике «Избранное» в 1949 году, С. Норин пишет о стойкости и мужестве со-

ветских пограничников, охраняющих молодую республику от посягательств белофиннов.

Снова прослеживается характерная для писателя особенность – писать о достоверном. События на границе января 1919 года, фамилии пограничников подлинные: Иван Куджиев, красноармеец Койнабрского заградительного отряда (так назывались погранотряды), командир отряда, рабочий Александровского завода из Петрозаводска, коммунист Анохин, Александр Чуркин, Пойкин, Стрелкин, Шамшур и другие. Лыж и пулемётов у пограничников нет, каждый патрон на счету, шинели дырявые, но они вынесут всё ради того, чтобы выйти из вечной кабалы и нищеты, чтобы пробить дорогу к счастью.

На заставе Штемберга белобандиты перешли границу, убили двух часовых, 5 пограничников захватили в плен. Небольшой отряд пограничников во главе со Штембергом пытаются спасти своих товарищей, идут по следам лыж, проваливаясь в снег, под яростным ветром, в обледеневшей одежде. Целая ночь по петляющей лыжне привела к просеке в овраге на границе с Российской империей и Великого княжества Финляндского, где вместо двуглавого орла на столбе после революции была прибитая доска с гербом пролетарского государства. Но, выйдя к обрыву, пограничники увидели две проруби в речке, изрубленный пограничный столб, а на его месте весь в сверкании ледяной коры стоял замороженный голый человек, подняв к морозному небу застывшую руку. Ужас и гнев охватили пограничников. И рука Куджиева, который в лаптях ходил в пикет, теперь словно призывала к мщению. На просеке были найдены трупы ещё четырёх истерзанных, замороженных красноармейцев.

Для поиска белофиннов, совершивших омерзительное преступление, требовалось по их следам перейти границу. Пограничники вынуждены были соблюдать неприкосновенность границы и ограничиться дипломатическим протестом и требованием наказать участников бесчинств на советско-финляндской границе. Это 1919 год. Это – официально не вступившая в войну с РСФСР Финляндия, но злоба, ненависть, бесчинства белофиннов, описанные С. Нориным в повести «На рубеже», открывают начало фашистской идеологии, напоминают мученическую гибель генерала Карбышева в 1945 году в концлагере. Это уже тотальная война – термин, введённый позднее, в 30-е годы, в гитлеровской Германии Геббельсом. Сегодня это термин нацистов, которые приступили к формированию из Финляндии анти-России, предав забвению исторический факт декабря 1917 года, когда В.И. Ленин декретом гуманности и надежд на добрососедство

создал государство Финляндия на месте Великого княжества Финляндского, бывшего частью России с 1809 года по договору в победоносной Северной войне со Швецией Петра I.

После Февральской революции в 1917 году княжество стало автономной республикой, в ноябре того же года это уже была буржуазно-демократическая республика по решению парламента. В декабре 1917 года В.И. Ленин издал декрет о признании Финляндии как суверенного государства. Так часть Швеции благодаря Петру I и В.И. Ленину приобрела государственность.

В последней повести «Микко Макконен» автор прослеживает целый довоенный пласт финской истории и привлёкший наше пристальное внимание сейчас, в 2022 году, в связи с нарушением Финляндией нейтралитета, зафиксированного в мирном договоре с СССР 1940-го и ничем десятилетиями не спровоцированного Россией.

Главные герои повести – Микко Макконен и его дедушка Эрkki, у которого уже давно умерла жена, погиб младший сын на лесозаготовках у помещика Пустонена, а старший пропал без вести в 1918 году. С января 1918 года по 15 мая 1919 года в Финляндии шла гражданская война между красными и белыми финнами. Последних поддерживали интервенты значительными силами, что привело к победе белофиннов. Старик рассказывал Микко, что в тот год «красные хотели сделать Финляндию свободной и счастливыми обездоленных людей – крестьян, рабочих, лесорубов, сплавщиков».

Много было пролито крови, но мечта осталась мечтой, потому что на помощь финским помещикам пришли интервенты. А на уроках в школе внушали, что самые страшные люди – это красные, что главная красная страна – Россия, которая хочет уничтожить маленькую, добрую Финляндию. О ленинском декрете 1917 года было забыто.

Живут дед с внуком очень бедно, дом их на арендованной земле, налоги съедают больше половины выращенного в уже непосильном труде скудного урожая. Дед предупреждён, что дом будет продан за неуплату налога и он с 15-летним внуком окажется без крыши над головой. Ещё одна беда: Микко за оскорбление родителей избил сына помещика и его исключили из школы, хотя мальчик отрабатывал обучение в школе после уроков в пасторском доме и в поле.

Подросток начинает работать лесорубом у лесопромышленника Кауса, живёт в сырой лесной избушке, однако работы прекращены из-за объявленной в Финляндии мобилизации якобы для защиты от русских, которые, по слухам, собираются перейти границу. Население от 14 до 70 лет,

в том числе и женщины, было отправлено на рытьё окопов, сооружение блиндажей и противотанковых каменных завалов.

Жили мобилизованные в сырых землянках, работали в наступившую в ноябре зиму в снегу, под ледяным ветром по 16 часов в день, получая скудный паёк и слушая полные ненависти заявления, что «рюсся, мыкали» хотят уничтожить маленькую республику Суоми, а счастливых её жителей превратить в рабов.

Сапожник Антта говорит надсмотрщику, что у русских нет таких планов, что они предлагали немного отодвинуть границу в обмен на очень большие площади земли, но президент и сейм не согласились. Более того, сапожник утверждает, что это известно всем. Очень важно, что молодой писатель внёс в повесть объяснение причины войны как вынужденной меры для спасения Ленинграда в условиях понимания неизбежности Второй мировой войны. История подтвердила правильность принятия решения. Ленинград смог выдержать жесточайшую блокаду.

Возвратившиеся после полуторамесячных работ в Иляйоки дед с внуком видят посёлок развороченным: на снегу домашний скарб готовящихся к отъезду жителей, получивших приказ об эвакуации. Стало известно о начавшихся на границе боях, об отступлении финнов на подготовленные к сражениям рубежи. Тревожно, в небе летают английские самолёты, жителям приказано уничтожить скот, сжечь дома. Зрелище страшное уже к вечеру: языки пламени, облака дыма, крики обезумевшей толпы изгнанных из своих домов людей, несмотря на угрозы расстрела, оставшихся в посёлке. А ведь накануне над посёлком пролетели русские самолёты и сбросили листовки, в которых жителям рекомендовалось не покидать свои дома, охранять их, объяснялось, что земля и всё на ней принадлежит трудовому народу, а Красная армия выступила не против трудящихся, а против помещиков и фабрикантов.

В конце повести появляется, кроме английских самолётов, и английский пистолет в руках сына помещика, пытавшегося убить Микко, и занятие посёлка советскими солдатами, и встреча Микко с Эрkki, теперь полковником Красной армии, спасшимся в 1918 году в Советском государстве. Последние строчки повести – счастье встречи родных.

Повесть «Микко Макконен» важна современному читателю не только для знакомства с Финляндией 30–40-х годов XX века, но и, что значительно важнее, для понимания вынужденного вступления Советского Союза в военные действия (четырёхмесячная военная операция с ноября 1939 по март 1940 года) для обеспечения безопаснос-

ти Ленинграда в фактически уже начинающейся Второй мировой войне.

Советский Союз вначале предложил мирное решение территориальных вопросов, очень выгодных Финляндии, но президент и сейм, надо полагать, под давлением активно враждебной опять же Англии отказались от переговоров. Мало этого, в СМИ прошла информация об артиллерийском обстреле финнами российской приграничной территории. Всё это доказывает неправомочность обвинений Советского Союза в агрессии, что с завидным постоянством появляется в антироссийских измышлениях, чему бой дан ещё в 1947 году публикацией повести Норина «Микко Макконен».

Неприемлем и достаточно часто звучащий эпитет «непопулярная война», который демонстрирует не объективность характеристики, а историческую безграмотность или враждебность позиции, направленной автора публикации.

Не перестаю удивляться тому, как много успел сделать за свою короткую жизнь совсем молодой человек, служа призванию писателя, журналиста. Он пишет об исторических событиях с чувством ответственности за каждое слово, детально изучив всё происходящее по фиксации в документах. Это служение долгу истины, профессионально первостепенной в этих профессиях.

Это исполнение гражданского долга, как его принято понимать. Это служение идее, которой он посвятил всю жизнь. Наконец, это ответственность перед потомками, делом заслужить добрую память о себе.

Успевал С.К. Норин и активно участвовать в лите-

ратурной жизни Карелии. Он был одним из организаторов Карельского объединения писателей, позднее реорганизованного в Союз писателей Карелии, бессменным членом редколлегии альманаха «Карелия» и журнала «На рубеже».

И сегодня, уже в XXI веке, Сергей Константинович Норин и своими произведениями, и примером патриотизма в одном строю с борцами за построение гуманного и справедливого мира. Вечная память талантливому журналисту, писателю, активному строителю Советской Карелии.

Петрозаводск умеет помнить. Будем учиться помнить и мы, обычные читатели: зайдём в библиотеку, возьмём в руки бережно хранимые сочинения С. Норина и с удовлетворением почувствуем, сколько рук держало их, сколько людей обогатило свои ум и сердце знакомством с творчеством одного из достойнейших петрозаводчан – Норина Сергея Константиновича.

Хотелось бы мне этой работой суметь привлечь внимание к Марату Васильевичу Тарасову, к семье Хряпиных, чтобы нашлись желающие поделиться своими наблюдениями, воспоминаниями, чтобы пополнить копилку памяти нашего Петрозаводска.

Вполне возможно, что не только о них. Разве мало людей, заслуживших память этого редкостной красоты и духовности города. Пожелаем удачи во всём Петрозаводску – городу с памятью о своих детях.

Фото предоставлены автором

Елизавета Капитоновна ОСОЛОДКИНА (Гудясова)

*родилась 8 сентября 1930 года в Сталинградской области
в семье рабочего-двадцатипятилетнего.*

Окончила с отличием историко-филологический факультет К-ФГУ.

*Минпросом СССР направлялась на работу
с учителями русского языка Германии и Чехословакии
на курсах по повышению квалификации.*

В 1979 г. отмечена благодарностью ЦК КПСС.

*Участвовала в работе комиссий Госинспекции Минвуза СССР
по проверке музыкальных училищ в Грузии, Северной Осетии, Адыгее,*

Бурятии, Узбекистане, Туркмени, Казахстане.

Звание — «Отличник народного образования».

Живет в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

